

В этом доме у него была своя маленькая комната, так что он не тревожил деда и бабушку.

Надел ватную куртку и штаны, умылся холодной водой.

Ван Даху на цыпочках прокрался на кухню.

Разжег печь дровами, налил в котел воды, высыпал две чашки риса и начал варить кашу. Деревенская печь жаркая, и вскоре из котла потянуло аппетитным запахом. Ван Даху достал шесть куриных яиц из-под полки и одним махом разбил их в кашу. Пока он возился там, делом, всё же потревожил стариков во внутренней комнате.

Бабушка Даху, накинув ватную куртку, вышла наружу и смотрела, раскрыв рот, на внука, который суетился, словно маленький муравей, то и дело вылезая то и дело.

— Что ты так рано шумишь?

Ван Даху обернулся, вся его лицо было сиять улыбкой:

— Бабушка, Даху готовит вам с дедушкой завтрак!

У бабушки в глазах сразу выступили слезы. Гляньте-ка! Где еще в мире найдешь такого почтительного ребенка!

— Мое сердечко! — бабушка одной рукой обняла старшего внука и чмокнула его в щеки. Прямо превратила Даху в самого почтительного внука в истории.

Но был ли этот самый почтительный внук в истории на самом деле почтительным, мы не знаем, единственное, что мы знаем — этот почтительный внук был очень проворным, перекинул через себя всё, что нужно было взять, оставив только фразу:

— Я иду к Жаньжаню!

— и кубарем покатился наружу.

С такой скоростью он заставил бабушку проглотить обратно слова:

— Не ходи!

Дом Ван Даху находился от медпункта недалеко, но из-за малого роста и слабости он шел полностью более получаса. В это время уже близко к Новому году, как раз самый холодный период года, когда он вошел в ворота медпункта, его личико уже замерзло до красноты.

Однако Ли Цинжань не был на кровати.

Ван Даху нахмурил брови и направился к той палате рядом.

Действительно, приподняв белую занавеску, от которой несло резким запахом лекарств, он увидел того маленького мальчика, крепко спавшим, склонившись над больничной койкой.

Ван Даху не стал его будить, он посмотрел на женщину, лежавшую на кровати — маму Жаньжаня.

В «прошлой жизни», хотя Жаньжань ни слова не говорил о делах своей семьи, Ван Даху всё-таки его близким человеком, со временем всегда можно было узнать кое-что, например, что

мама Жаньжаня бросила его, когда он был еще очень маленьким.

Ван Даху не мог сказать, какие именно чувства он испытывает сейчас, глядя на эту женщину с синяками под глазами и ранами по всему телу, что он мог сказать?

— Ты... ты пришел?

Вдруг раздался сухой хриплый голос, Ли Цинжань потер глаза, сонно сел.

Смотрел на него, как на котенка, такой милый, что Ван Даху не выдержал и потянулся к тому личику нежно «погладить» пару раз.

— Жаньжань, проголодался? Даху-гэ принес тебе поесть.

Сначала уговорил его умыться, Ван Даху достал принесенную из дома еду. В это время не было еще термосов и прочего, еду носили в железных ланч-боксах, Даху боялся, что остынет, снаружи обмотал слоем за слоем полотенце. Потому что упаковал плотно, каша еще не остыла.

— На, — Ван Даху протянул ему палочки для еды.

Ли Цинжань смотрел на него, поджал губы, не взял.

Поистине достойный будущего «ледяного упрямого кота», Ван Даху шевелил губами, насильно сунул палочки в лапки маленького упрямаца, прикрикнул:

— Быстро ешь!

Ли Цинжань все еще не двигался, он обернулся, посмотрел на маму на больничной койке.

Ван Даху погладил его по голове:

— Для тети порция уже отдельно оставлена, пусть она еще поспит, когда проснется, тогда поест.

— Давай есть вместе!

Ван Даху слегка замер, потом засмеялся:

— Хорошо!

Этот ребенок с виду был голоден, целый ланч-бокс рисовой каши большую часть съел он, Ван Даху смотрел на него, сердце болело. Поспешно еще очистил три яйца, Ли Цинжань съел одно, но больше есть не хотел, Ван Даху долго его уговаривал, чтобы тот съел еще одно.

Все утро Ван Даху пробыл с ним в медпункте.

Только под самый обед вернулся домой.

Бабушка на обед приготовила картофельную соломку с перцем и тушеную капусту с тофу, обжарила мягкие скользкие ароматные картофельные соломки, плавали белые куски сала, жирный большой тофу, поистине вызывало аппетит.

Ван Даху чавкнул несколько раз, после этого совершенно не стесняясь набил ланч-бокс хорошей порцией, его Жаньжань еще не ел!

Конечно, это действие естественно не обошлось без ворчания старушки, но ведь у Ван Даху кожа была толстой, слово за слово: «Бабушка, вы действительно милосердны», «Бабушка, вы точно живой Бодхисаттва переродился», «Бабушка, это накопление добродетели». Старушку внук напустил туману, к тому же, поскольку они из одной деревни, принести два раза еды — ничего особенного, так и не стала так сильно его держать. А когда Ван Даху вернулся в палату, то обнаружил, что Кун Сюмей уже проснулась, не только это, в комнате ещё было двое незнакомых мужчины и женщины.

Глаза у него острые, сразу увидел прижавшегося к матери Ли Цинжяня.

Как раз сжимая маленький кулачок, крепко поджав губы, лицо полное злобы.

Ван Даху глаза сразу прищурил.

Даже не посмотрел на тех двух незнакомых мужчин и женщин, он прямо подошел к больничной койке и сказал Кун Сюмей:

— Тетя, здравствуйте, меня зовут Ван Даху, я хороший друг Жаньжяня!

Кун Сюмей вытерла слезы с лица, с трудом улыбнулась и сказала:

— Это сын старосты деревни, Хуцзы, правильно? Я только что слышала от Жаньжяня, в этот раз действительно нужно поблагодарить вас!

— Ничего страшного, ведь мы одной семьи! — Ван Даху показал белоснежные клыки, улыбаясь даже добрее собаки.

— А! — вдруг раздался крайне резкий преувеличенный голос, только услышала та незнакомая женщина:

— Это же сын старосты Вана! Посмотрите, какой красавчик вырос! Сразу видно, в будущем на большой чиновник!

О господи! Еще «молодой господин», ты что, думаешь, это феодальное общество сто лет назад!

Ван Даху обернулся, посмотрел на тех двоих с полным презрением.

Та женщина, что говорила, примерно тридцать семь-тридцать восемь лет, рослая была сухая и низкая, сухая и тощая, только те скулы выпирали очень высоко, глядишь — типичная кислобока, с ней трудно поладить. А тот мужчина как раз высокий и толстый, только с лицом вороватым, на вид просто хулиган.

Что касается личности этих двоих, очень скоро Ван Даху разобрался.

Кун Даго, Ян Ли.

Дядя и тетя Жаньжяня.

Эти двое не были из этой деревни, а из соседней деревни Кунцзятунь.

Так сказав, Ван Даху и вспомнил, вчера дедушка говорил, что нужно пойти уведомить родню Кун Сюмей!

Ян Ли, похоже, к Даху, внуку старосты, проявляла особый интерес, в словах и между строк

постоянно пыталась выведать что-то. Если бы это был обычный ребенок, давно бы выдал все семейные тайны, но вот незадача, этот парень не оригинальный товар, как ты ни крути, ни одной детали не проболтаешь. Эта женщина, вероятно, тоже почувствовала, с досадой причмокивала губами.

— Эй? Это что за запах, так вкусно пахнет! — внезапно тот мужчина, стоявший сбоку, понюхал носом, пара мышиных глаз сразу уставилась на ланч-бокс в руках у Ван Даху.

Едва Ван Даху успел среагировать, как женщина рядом выхватила вещь и прижала к груди.

— Ой, мамочки! Этот кусок мяса такой жирный, такой редкий! — Ян Ли глаза выпучила, даже бесстыдно вытянула два пальца, схватила и потянула в рот.

Мой бог! Ван Даху смотрел на эту сцену широко открытыми глазами, думал: «Эта женщина, с какого африканского лагеря беженцев сбежала!» На самом деле не странно, что он так удивился, надо знать, что в сельских семьях обычно своя земля есть, сейчас политика тоже хорошая, государство сильно поддерживает крестьян, как бы то ни было, не до такой же степени «голодать», словно восемьсот лет ничего не ел.

— Ты, дура расточительная! — тот Кун Даго рявкнул, огромная пощечина полетела: «Кто тебе разрешил есть!»

Ян Ли от пощечи пошатнулась несколько раз, рука дрогнула, весь ланч-бокс с едой рассыпался на земле.

— Бесплезная баба, даже вещь удержать не может, — Кун Даго, видя это, еще больше разозлился, несколько раз сильно матернулся, лицо полное сожаления.

Получается, ты жалеешь еду, рассыпанную на земле! Ван Даху смотрел на фарс перед глазами.

В глазах скользила холодность.

Ян Ли привыкла к тому, что ее бьют, хотя на лице было немного стыдно, но не посмела с мужем спорить. Только пара глаз полная сожаления смотрела на рассыпанную еду.

— Э-э... Хуцзы! — Ян Ли голос задрожала пару раз: «Извините, тетя руки скользнули, не удержала, не сходишь ли домой еще принесешь немного?»

(будущий муж) — примечание автора о планах Ван Даху в будущем стать мужем Ли Цинжана.